

“Я добьюсь, чтобы убийцы прадеда были признаны виновными”

«О том, как именно погиб мой прадед Степан Карагодин, семья узнала только в 1991 году, когда вышла книга «Боль людская»¹. До этого было известно лишь, что он умер в заключении. В 1937 году Степан Карагодин, живший в Томске, был арестован и осужден. Приговор – «10 лет без права переписки». Спустя два года арестовали его младшего сына Льва, моего деда. Во время войны деду удалось «легализоваться» через штрафбат, он принимал участие в обороне Москвы, был ранен. После демобилизации в 1947-м вернулся в Томск в надежде увидеть отца, ведь уже истек 10-летний срок. Но узнать что-либо о судьбе прадеда было невозможно. Все эти годы семья не переставала его разыскивать. Главным действующим лицом тут была прабабушка, Анна Дмитриевна, она не отправляла запросы, а сама ездила по разным тюрьмам и лагерям вплоть до 55-го, когда ей выдали справку о его реабилитации и смерти.

Я слышал об этом еще в детстве, тема репрессий не была табуирована ни у нас в семье, ни в обществе, уже была горбачевская эпоха. Но для меня это была просто одна из семейных историй. До того дня в 2012 году, когда я купил внешний жесткий диск и перевел все документы

Денису Карагодину 33 года, он живет в Томске, по образованию философ. Его прадеда расстреляли в 1938 году. Денис проводит свое расследование этого преступления.

Записала Галина Черменская

домашнего архива в цифровой формат. Я увидел, что на самом деле эта история берет начало гораздо раньше, в 1928 году, когда Степан Иванович, в то время председатель сельсовета в Амурской области, был арестован, раскулачен и отправлен в ссылку на три года в Нарымский край. В 1991 году один из его сыновей, Кузьма, добился реабилитации по этому делу.

Каждое поколение нашей семьи делало все возможное, чтобы прояснить белые пятна в семейной истории. Систематизируя архив, я понял, что в ней еще зияют пустые места и их надо заполнить. Как только ты видишь эту магистраль – все, ты впрягся в телегу и пошел. Моего прадеда искали его жена и дети, теперь моя очередь. >>

>> **Я хотел реализовать свой личный проект вовлечения в эту семейную традицию. Однако его рамки оказались несколько шире и он потребовал больше времени, чем я предполагал.** Одного лишь знакомства с делом было недостаточно. Во-первых, выяснилось, что это было не просто убийство, а массовое убийство – по делу проходило 8 человек, из них семеро казнены. Во-вторых, никто из причастных к убийству не понес наказания. Изначально я ставил себе задачу выявить, кто был следователем. Позже она трансформировалась в задачу выявить всю следственную группу по делу и наконец – всю цепочку людей, ответственных за это преступление. А отсюда выросла еще одна цель – привлечь выявленных лиц к уголовной ответственности. Юридически это в теории возможно, хотя никого из них уже нет в живых. В материалах дела мой прадед фигурирует как руководитель шпионско-диверсионной группы, члены которой, как я выяснил, даже не были знакомы между собой. Тогда существовала целая индустрия фальсификаций, и это одно из множества дел, которые были сфабрикованы тогда.

Мне пришлось погрузиться в страшный материал.

Я осознавал вынужденность этой меры и старался слегка отстраниться эмоционально. Вместо ненависти крепить холодный расчет.

Основные документы я получил за первые два года работы. Меня иногда спрашивают, как мне удается их добывать, мол, система наверняка сопротивляется. Я отвечаю, что система не монолитна. Если в одной структуре дают отказ, то информацию можно получить в другой. Мне иногда даже жалко этих людей, они не понимают, с кем и с чем имеют дело. У меня иное восприятие времени, чем у них. За моей спиной 200 лет семейной истории, я знаю ее достоверно с 1779 года, а они оперируют лишь сегодняшним днем. Их реакция скорее рефлексивная. А я как философ понимаю, как на программном уровне устроена эта система, и поэтому мне легко с ней взаимодействовать. Я человек не религиозный, но иногда происходит такая череда чудесных совпадений, что поневоле думаешь о провидении. Например, весной я сидел в библиотеке, занимался совершенно другой темой, постструктуралистами. И вдруг меня что-то подтолкнуло встать и подойти к полке с периодикой. Там оказалась подшивка местной газеты «Красное знамя» за 1937–1938 годы, где я нашел портреты награжденных начальников Сибирского управления НКВД. Награждали их за массовые расстрелы, но в газете об этом, конечно, не упоминалось. Я опубликовал эти фото в «Фейсбуке», пост вдруг набрал огромное число лайков и был замечен главным редактором радио «Свобода» Дмитрием Волчеком, который пригласил меня в эфир. Резонанс был такой, что

“За моей спиной 200 лет семейной истории, я ее знаю с 1779 года”

я даже удивился. Но для меня медийная история важна не сама по себе, а только как метод: публичность повышает эффективность моего расследования. **Я продолжаю дело моей прабабушки, которая не умела ни читать, ни писать, только молиться. А у меня есть университетское образование, я приобрел союзников вплоть до уровня российского парламента, меня поддерживают российские и мировые медиа. Мне хватило компетенции провести большую архивную и исследовательскую работу, самому «от и до» сделать сайт, посвященный делу Степана Карагодина². И вот какое важное открытие я для себя сделал: в России невозможно ничего накопить, сохранить капитал. Единственное, что сохраняется, это уровень образования и компетенции. Российские исторические циклы обнуляют экономику и инфраструктуру, но им не под силу обнулить компетенции людей, то, что они знают и могут, лишь иногда их могут физически уничтожить в расстрельных рвах. Мой сайт – это, по сути, следственное дело. Сейчас мне осталось получить один документ – акт о расстреле, где будет список расстрельной команды, «работавшей» 21 января 1938 года. Его мне до сих пор не дают под разными предлогами. Но я его получу. На этом следственные действия будут закончены, и я передам все материалы в суд. Странно, что никто раньше ничего подобного не сделал. **Сейчас я уже хочу, чтобы этот проект завершился.****

Он для меня очень важен, но моя жизнь намного шире и сложнее. Я не собираюсь посвящать всю ее убийцам из прошлого. Но нужно довести дело до юридического оформления. Когда это произойдет, я просто хитро улыбнусь про себя. Истерики орать нет смысла. Это как самурай: он наносит удар и уходит. Вроде бы ничего не изменилось. А через несколько мгновений его соперник падает замертво. Все ведь настолько очевидно – но кто-то должен поставить в этом предложении точку».

1. *Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов*, составители В. Уйманов, Ю. Петрухин (Управление КГБ СССР по Томской области, 1991).

2. blog.stepanivanovichkaragodin.org

я даже удивился. Но для меня медийная история важна не сама по себе, а только как метод: публичность повышает эффективность моего расследования. **Я продолжаю дело моей прабабушки, которая не умела ни читать, ни писать, только молиться. А у меня есть университетское образование, я приобрел союзников вплоть до уровня российского парламента, меня поддерживают российские и мировые медиа. Мне хватило компетенции провести большую архивную и исследовательскую**

работу, самому «от и до» сделать сайт, посвященный делу Степана Карагодина². И вот какое важное открытие я для себя сделал: в России невозможно ничего накопить, сохранить капитал. Единственное, что сохраняется, это уровень образования и компетенции. Российские исторические циклы обнуляют экономику и инфраструктуру, но им не под силу обнулить компетенции людей, то, что они знают и могут, лишь иногда их могут физически уничтожить в расстрельных рвах. Мой сайт – это, по сути, следственное дело. Сейчас мне осталось получить один документ – акт о расстреле, где будет список расстрельной команды, «работавшей» 21 января 1938 года. Его мне до сих пор не дают под разными предлогами. Но я его получу. На этом следственные действия будут закончены, и я передам все материалы в суд. Странно, что никто раньше ничего подобного не сделал. **Сейчас я уже хочу, чтобы этот проект завершился.**

Он для меня очень важен, но моя жизнь намного шире и сложнее. Я не собираюсь посвящать всю ее убийцам из прошлого. Но нужно довести дело до юридического оформления. Когда это произойдет, я просто хитро улыбнусь про себя. Истерики орать нет смысла. Это как самурай: он наносит удар и уходит. Вроде бы ничего не изменилось. А через несколько мгновений его соперник падает замертво. Все ведь настолько очевидно – но кто-то должен поставить в этом предложении точку».

1. *Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов*, составители В. Уйманов, Ю. Петрухин (Управление КГБ СССР по Томской области, 1991).

2. blog.stepanivanovichkaragodin.org

ЗАЧЕМ Я ПРИХОЖУ К СОЛОВЕЦКОМУ КАМНЮ

30 октября в России отмечают День памяти жертв политических репрессий. Накануне этого дня проходит акция «Возвращение имен». В чем ее смысл? Читайте об этом на сайте **Psychologies.ru**